ИНТЕРВЬЮ

МАСАУЛОВ Сергей Иванович

доктор филос. наук, председатель Ассоциации экспертов и аналитиков «Изыскания Срединной Азии» (г. Москва)

ДМИТРИЕВА Марина Олеговна

канд. полит. наук, старший преподаватель кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).
Электронная почта: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Экспертное интервью: Предварительные итоги 2020 года для Центральной Азии

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/93-98

В настоящее время мы являемся свидетелями трансформации мирового порядка. Соединённые Штаты и Китай развязывают новую холодную войну, Европейский союз находится в поиске своей самостоятельной роли в мире, на Россию продолжает давить со стороны Запада. Цифровые технологии становятся важнейшим инструментом реализации государствами своей воли. Пандемия, разразившаяся в мире, ускоряет эти процессы. Предложенную Москвой концепцию Большого Евразийского партнёрства можно оценивать как целесообразный проект, но он нуждается в развитии и уточнении. Ключевыми направлениями становятся отношения с Китаем, также претендующего на роль глобального игрока, и со странами Центральной Азии, составляющими сердцевину пространства проекта Большой Евразии, стабильность которого напрямую влияет на безопасность России. Появление горячих точек на границе и внутри Большой Евразии (конфликт в Нагорном Карабахе, волнения в Белоруссии и Киргизии) являются вызовами для России, на которые необходимо своевременно реагировать, чтобы не допустить их разрастания и превращения в угрозы. Об этом старший преподаватель кафедры международных отношений ВИ-ШРМИ ДВФУ Марина Дмитриева поговорила с доктором философских наук, экспертом ООН, председателем Ассоциации экспертов и аналитиков «Изыскания Срединной Азии» Сергеем Ивановичем Масауловым, который долгое время жил и работал в Бишкеке, являлся руководителем аналитических центров, директором Института стратегического анализа и оценки при Президенте КР.

— События в Центральной Азии развиваются стремительно, но мы попробуем зафиксировать некоторые важные моменты. Уже можно начинать подводить итоги 2020 года, который, несомненно, войдёт в историю. Скажите, пожалуйста, как страны ЦА отреагировали на этот глобальный вызов – на пандемию. Каждая страна по-разному проводила свою политику. Можно ли сказать, что кто-то поступал правильно, а кто-то нет. И какое влияние пандемия оказала на весь регион?

Для цитирования:
Экспертное интервью: Предварительные итоги 2020 года для Центральной Азии // Известия Восточного института. 2020. № 3. С. 93–98.
doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/93-98

¹ Махалля – традиционный социальный институт общинного типа или квартальная форма организации общественной жизни. То есть это квартал или микрорайон, жители которого осуществляют местное самоуправление путём выбора комитета махалли и его председателя, решающих вопросы организации быта и досуга жителей своей махалли, а также несущих ответственность перед вышестоящими органами городского управления за обеспечение правопорядка в своей махалле.

² В 2011 г. Таджикистан передал Китаю 1% своей территории – это более 1 тыс. кв. км спорных земель на Восточном Памире. Кроме того, Китаю уже передано в собственность (по официальной версии на 49 лет или до погашения кредита) три золоторудных месторождения и одно угольное.

— Страны, действительно поступали по-разному, реакция была разная. Правильно они вели себя или нет – это еще предстоит оценить. И оценки начнутся приблизительно с апреля следующего года, когда будет спад количества заболеваний. Пока можно сказать, что наиболее всех подверглась атаке от вируса и его последствий Киргизия. На втором месте – Казахстан. Менее всего оказался затронут Узбекистан. По Туркмении нет достоверной статистики. В Киргизии после массовых протестов, где не соблюдались необходимые меры защиты, ожидается очередная вспышка заболеваний. Очевидна разная реакция: там, где более-менее жёсткая власть, вертикально выстроенная от центра до общин и махаллей¹ – там смогли сдержать распространение коронавируса. А где непонятно что с властью – может произойти трагедия.

— Какую роль сыграла пандемия в новой революции в Киргизии? Возможно, народ устал от бездействия власти, и это тоже стало причиной столь быстрого переворота?

— Стоит отметить, что развитие событий таким образом ожидалось с конца прошлого года. В марте стало понятно, что при условии совершения властью серьезных ошибок, связанных с управлением, может сложиться такая ситуация. Вплоть до свержения правящей группы. В июне можно уже было сказать, что к этому идет, потому что пандемия коронавируса сыграла такую роль, что люди стали оценивать власть как недееспособную, некомпетентно, поздно или вообще не реагирующую на складывающуюся ситуацию. Наибольшим раздражителем оказалась информация по поводу выделения разными международными институтами до полумиллиарда долларов на борьбу с коронавирусом, на которые нужно было строить больницы, закупать средства индивидуальной защиты (СИЗы), т. е. готовиться. Когда резко пошел рост заболеваний (конец июня), оказалось, что нет подготовленных больниц, нет СИЗов, не хватает аппаратуры, катастрофически не хватает лекарств. Доходило до того, что мы в Москве собирали лекарства и необходимые препараты и изыскивали возможность отправить это в Киргизию. Только из моих знакомых, с кем я когда-то работал, умерли 8 человек. Эта ситуация очень напрягла население. На митинге 5 октября (сразу после выборов) на площади Ала-Тоо это обвинение звучало как одно из основных. Власть не подготовилась, не смогла удерживать ситуацию под контролем, значит, она недействительна. В этом смысле беспомощность властей в отношении пандемии стала толчком к изменению общего устроения.

— Какое влияние пандемия оказала на интеграционные проекты в регионе (ЕАЭС и инициатива «Пояса и Пути»)? Стал ли Китай как-то по-другому выстраивать свою политику в регионе?

— У Китая в регионе долгосрочная стратегия, и существенных изменений в стратегических подходах не произошло. Китай работает с каждой страной отдельно, он не оценивает ЦА как единый регион. Например, Казахстан (под давлением общества и благодаря широкому обсуждению в СМИ) отказался переносить на свою территорию так называемые вредные производства Китая, а Киргизия начала это делать. Потому что очень большие долги. Только китайским банкам Киргизия должна 1 млрд. 700 млн. долларов. Новое руководство сейчас пытается начать переговоры по поводу реструктуризации долга. Но я могу точно сказать по опыту Таджикистана, Китай готов это делать. Душанбе пришлось отдать Китаю около 1000 кв.км². Так это происхо-

дит: либо будут переносить производства (одно уже перенесено и готовится еще четыре предприятия), либо будут предложения выделить часть территории для освоения китайцами. Возможно, будут жесткие предложения скорейшего достраивания дороги через Киргизию в Узбекистан. То есть Китай продолжает свою линию: он не предлагает никаких политических перемен, не говорит о правах человека, а только экономические предложения, проекты. Это экономическая экспансия, вне всякого сомнения.

По ЕАЭС – было некоторое затишье. Что такое ЕАЭС для стран Центральной Азии? Это, прежде всего, отношения с Россией. Узбекистан начал процесс сближения с союзом, с возможным последующим вступлением. И он четко понимает, что это прежде всего отношения с Россией, и сейчас принимаются новые решения о взаимовыгодном сотрудничестве. Например, строительство атомной электростанции³. Есть проекты по автомобиле- и авиастроению. Следующий на очереди Таджикистан. Потому что, если Узбекистан станет очень близок ЕАЭС, Таджикистан подтянется. Вообще ЕАЭС выглядит как сдержанный проект, здесь нет масштабных, серьезных, быстрых предложений. Идет очень медленная, последовательная работа. Сейчас главным для стран ЦА станет изменение таможенного режима. В этом отличие – Китай очень быстро продвигается с экономическими проектами, а предложения ЕАЭС по объемам и масштабам уступают.

Другое дело, что ЕАЭС – это особый проект. Возможно, звучит высокопарно, но это – исторический выбор. Даже на последних митингах в Киргизии звучала мысль, что выбор наших предков был верен, и, если наше правительство не может разобраться, надо обратиться к России.

— Сейчас в ЕАЭС сложилась ситуация, когда трое участников объединения находятся в состоянии конфликта. Киргизия и Белоруссия – внутреннего, Армения – внешнего. Эти обстоятельства тормозят развития интеграционного института?

— ЕАЭС – это живой организм, и он иногда болеет. Бывает, что наступает период кризиса. Интересно, что в Белоруссии и Киргизии эта ситуация запустилась в результате выборного процесса. Важно, чтобы выборы проводились без всяких накруток и подгона под определенный результат. Это больше всего возмущает народ, которому не все равно. В Армении другая история. ЕАЭС тут в стороне. И даже ОДКБ в этой ситуации не может участвовать, потому что страна-член не подвергается агрессии, а столкновения проходят на территории непризнанной республики. Армения заявила о возможности признания независимости Карабаха. Если это произойдет, скажем, со стороны Франции, где очень сильно армянское лобби, последствия могут быть катастрофическими для всего региона. Да, есть эти три горячие точки. И, конечно, они могут быть использованы для притормаживания развития ЕАЭС, но эти действия предпринимались и раньше. На предстоящих выборах в Жогорку Кенеш⁴ в Киргизии это будет важным вопросом. Некоторые силы будут поднимать тему целесообразности нахождения Киргизии в ЕАЭС.

— Турция активно проявляет себя в карабахском конфликте и в окружающем регионе – Сирии, Ливии, Средиземноморье.

³ В начале сентября 2018 г. правительства Узбекистана и России подписали соглашение о сотрудничестве при строительстве АЭС на территории республики.

⁴ Жогорку Кенеш (кирг. Жогорку Кеңеш, Верховный совет) – законодательный орган (парламент) Киргизии.

⁵ С 17 апреля 2020 г. председатель Национального совета (Маджлиси Милли) — верхней палаты Высшего собрания (Маджлиси Оли) Республики Таджикистан, параллельно с 4 апреля 2017 г. председатель (мэр) города Душанбе — столицы и крупнейшего города Таджикистана.

⁶ В настоящее время и. о. президента Киргизии и премьер-министр Киргизии.

Возможно ли что Турция станет по-другому вести себя в Центральной Азии?

— Турция уже давно проводит активную политику в Центральной Азии. С момента распада Советского Союза она начала масштабное проникновение в регион. Тогда ещё не проявлялись явно три компонента внешней политики Турции, которые видны сейчас (неоосманизм, пантюркизм, идея нового Халифата). У Эрдогана есть такая черта: при встрече с лидерами стран ЦА он говорит об общих корнях, делает исторические экскурсы, подчёркивая их этническую близость. Кроме того, Турция использует образовательный проект — самый главный элемент мягкой силы. В настоящее время в Киргизии работает 2 турецких университета, 20 колледжей. Подобное проникновение было в Узбекистан, но Ислам Каримов в середине 90-х гг. быстро понял, куда это идёт, и разорвал близкие отношения. Все колледжи и университеты были закрыты, сократилось число студентов, обучающихся в Турции. Шавкат Мирзиёев продолжает эту линию, не допуская роста точек турецкого влияния. Другие страны региона тоже заняли позицию, схожую с поведением Ташкента. По отношению к Таджикистану Турция не действовала так активно, потому что Таджикистан — это персоязычная страна и с самого начала ориентировалась на Иран. Но и здесь Анкара предлагает какие-то экономические проекты. Поэтому Турция со времени обретения независимости республиками Центральной Азии является значимым актором в регионе.

— На фоне переворота в Киргизии и протестов в Белоруссии выборы президента в Таджикистане прошли спокойно. Чем это можно объяснить?

— Это ожидалось и по-другому быть не могло. Всем понятно, что Эмомали Рахмон готовит себе преемника — своего сына Рустама, который сейчас является вторым человеком в стране⁵. Это традиция, обычная для Срединной Азии. В Душанбе в тонком слое интеллигенции могут высказываться другие мнения, может быть недовольство и у народа, тем более что экономическая ситуация не радует. Но после жесточайшей гражданской войны, которая унесла жизни более 300 тыс. человек, у таджиков есть прививка от всякого рода протестов. Сейчас они не готовы пойти на это снова. Пока народ живёт по принципу: пусть будет, как есть, а мы будем решать свои вопросы. Пока мигранты присылают деньги, на которые живут семьи, такое положение дел устраивает. Но это не означает, что так будет всегда. Без сомнения какие-то перемены будут. Но пока препятствий той логике смены власти, которая там идет, нет. У таджиков большая традиция государственности (Восточная Бухара, Саманидские Эмираты), которой свыше тысячи лет. А на территории Киргизии такой традиции нет. Нужно признать, что киргизское государство возникло в 1991 г. Оно молодое, поэтому несёт в себе все черты молодого образования. Сейчас его надо строить, проверять все системы, видоизменять их и дальше постепенно работать. Надо отходить от кланового мировоззрения. А при каждом перевороте в Киргизии всегда во главе движения, которое идет сменять власть, стоят клановые группы. И оттуда, после свершения переворота, выдвигаются лидеры. В настоящее время на Иссык-Куле идут разговоры, что следует поддержать Садыра Жапарова⁶, который родом из этого региона только потому,

что он оттуда. И если в общественном сознании присутствует такая вещь, её надо учитывать. В Киргизии относятся к занимаемой должности не как к государственной обязанности, а как к возможности распределять ресурсы, прежде всего для «своих». Конечно, в Таджикистане тоже есть деление на кланы. Считается, что до 90-х гг. правили ленинабадцы (нынешние худжанцы), сейчас правят выходцы из Хатлонгской области. Это всегда учитывается. Это Азия: всегда обращают внимание, кто откуда. Но в Киргизии этот фактор может быть определяющим.

— **10 января пройдут выборы в Казахстане. Могут ли там случиться протесты, подобные киргизскому?**

— Есть некоторые признаки того, что в Казахстане присутствует напряжение. Важно, чтобы за оставшееся время властью не была совершена фатальная ошибка, к которой могут подталкивать и извне, и изнутри. Например, жёсткая реакция на протесты оппозиции⁷ или антикитайские митинги⁸, или серьёзная вспышка коронавируса. Если ничего подобного не произойдет, выборы состоятся. Могут быть прения, недовольства, но это не будет основанием усомниться в результатах выборов. Но если появится повод, Казахстан – это страна, которая способна к такому роду действиям. Однако протест, если он случится, будет, если можно так сказать, более цивилизанным.

— **Учитывая все эти события, какую позицию должна занять Россия? Как следует себя вести? Ведь если начать как-то активно действовать, обвинят в империалистических замашках, если ждать в стороне, чем все закончится, заговорят о бессилии и утрате влияния.**

— Надо рассуждать с той точки зрения, что сейчас закончился тридцатилетний этап становления независимых государств и отношений между ними. Теперь надо переходить к следующему этапу. Не надо бояться или стесняться вносить предложения партнёрам в регионе, которые будут взаимовыгодны и вполне определены по своему содержанию. Не надо стесняться говорить, что Россия имеет интересы, что существование многих государств и режимов на территории ЦА существенно зависит от отношений с Россией. Важно говорить, что помощь, которую страна региона получают от международных организаций, во многом складывается из российских денег. Россия прощает долги (700 млн. долл. списали Киргизии), делают взносы для поддержания курса национальной валюты. России это надо активнее показывать, подключать посольства, которые бы проводили брифинги и разъясняли позицию. Необходимо делать большую ставку на образовательный аспект: изучение русского языка, открывать филиалы ведущих вузов, работать с молодёжью. Подчеркивать, что российские военные базы – это элемент поддержания стабильности в регионе. Опыт Киргизско-российского фонда развития⁹ надо предлагать и другим республикам ЦА. Более того, не надо стесняться говорить, что Россия по типу страны – это империя, которая способна в единство складывать разное. И сейчас ничего не мешает в отношении стран Центральной Азии проводить те рабочие форматы, которые оправдали себя, сохраняя суверенитет и независимость всех участников этого взаимодействия. В геоэкономике современный мир распадается на макрорегионы, и перед странами ЦА стоит выбор, в какой макрорегион они хотят попасть. Если в китайский, то результат будет

⁷ В июне 2020 г. митинги прошли в нескольких крупных городах Казахстана – Нур-Султане, Алма-Ате, Шымкенте и других. Протестующие требовали провести кредитную амнистию, освободить политзаключенных, а также ввести запрет на продажу земель иностранцам.

⁸ В 2019 г. жители шести городов Казахстана – Нур-Султана, Алма-Аты, Караганды, Шымкента, Актобе и Жанаозена – вышли на акции под лозунгом «Нет экспансии Китая». Протестующие высказали недовольство казахстанско-китайским межправительственным соглашением, по которому китайская сторона намерена профинансировать строительство 55 предприятий в сфере сельского хозяйства и промышленности на территории республики.

⁹ Российско-Кыргызский Фонд развития был учрежден в 2014 г. для поддержки предпринимателей и производителей Киргизии в их адаптации к условиям Евразийского экономического союза, в состав которого республика вошла в 2015 г., и занимается финансированием перспективных экономических проектов на льготных условиях.

предопределён, поскольку Китай работает с другими этносами и национальностями определённым образом. Или в макрорегион, где они всегда были и состоялись как нации, сохранились и развились. Таким образом, Россия вправе говорить, что она имеет свои интересы, и должна более активно продвигать их в своей внешней политике.

Sergei I. MASAULOV

Ph. D. (in Philosophy), Chairman of the Association of Experts and Analysts «Exploration of Central Asia» (Moscow, Russia).

Marina O. DMITRIEVA

Ph. D. (in Political Science), Assistant Professor, Korean Studies Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

E-mail: dmitrieva.mo@dvfu.ru

Expert Interview: Preliminary Results of 2020 for Central Asia

doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/93-98](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/93-98)

We are currently witnessing a transformation of the world order. The United States and China are unleashing a new Cold War, the European Union is in search of its own independent role in the world, and Russia continues to be under pressure from the West. This interview discusses the events that took place in Central Asia in 2020. S. Masaulov expresses the opinion that the coronavirus pandemic did not cause the coup in Kyrgyzstan, but there were internal prerequisites for it, which the authorities further aggravated on the eve of the elections. The interlocutor talks about the possibility of repeating these events in Kazakhstan. The article deals with the issues of China's policy in Central Asia and the possible strengthening of Turkey's influence in the light of recent events in Nagorny Karabakh. In addition, S. Masaulov gives his opinion on the development of the Eurasian Economic Union and the necessary changes in Russia's policy in the Eurasian space.

For citation: Expert Interview: Preliminary Results of 2020 for Central Asia // Oriental Institute Journal. 2020. № 3. P. 93–98. doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/93-98](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2020-3/93-98)